

© *Леонард И. Ибраев*

Если бы молодость знала...

Великое достижение России в дерзаниях начала 90-х годов – падение тоталитарной диктатуры, притом бескровное, начало перехода к демократии и рынку. Однако при этом наши младореформаторы наломали немало дров и совершили также немало серьезных бездействий – и некоторые из них очень тяжелые.

Тем не менее, я не думаю, что это были умышленные преступления. Нет, это были именно ошибки. Ибо они произошли не по какому-то злому умыслу, а по политической и экономической малограмотности и неопытности, иногда даже наивности и легкомыслию, – когда просто не предвидели ближайших последствий своих управлений для производства и общества, – по молодым амбициям, переходящим в апломб, не желающий внимать никакой критике.

Да и откуда было бы взяться мудрости у ребят, которые знали о желанной демократии и о рынке довольно поверхностно только по книжкам, но никогда в них не жилали?

Одни из этих просчетов, увы, непоправимы; но последствия иных, по-моему, еще не поздно исправить. И придется исправлять, потому что они продолжают давить нас до сих пор.

Но для этого, видимо, надо прежде эти самые ошибки осознать, понять, признать и осудить. Слишком долго старые, дискредитированные лидеры наших реформаторов не могли решиться на самокритику и на уход если не в сторону, то хотя бы в тень, как это принято делать после проигрыша выборов в демократических партиях других стран, но годами держались за лидерство, – видимо, из тщеславия, уверенного в своей незаменимости.

Без такого покаяния и отмежевания новое поколение демократов не сможет вернуть себе народное доверие и преодолевать изъязвы нашей нынешней политической и экономической системы.

Начну с экономических ошибок.

Шок, да не тот

Причиной тогдашнего тотального дефицита товаров, как продовольственных, так и промышленных, было не только падение мировых цен на нефть и газ и потому невозможность закупать импортные товары, а прежде всего некомпетентная экономическая политика последних Советских правительств, которые ради сохранения своей власти и плановой системы, чтобы унять ропот народа, – регулярно его подкупали, «повышали его бла-

госостояние» – то есть повышали зарплату с выпуском не обеспеченных товарами денег.

В итоге избыточные деньги оседали в домашних зашниках и на сберкнижках, а магазинные полки стремительно пустели, хотя под прилавками и еще более на складах скапливалось все больше как продовольствия, так и промтоваров.

Но это не было результатом какого-то «заговора и вредительства», как по коммунистической привычке тогда объясняли эти безобразия проверяющие ревизоры, журналисты и «народные контролеры». Продавцы были не глупцы, прекрасно видели, что проданное ими тут же утекает на «черный рынок» и перепродается фарцовщиками в три дорога. Поэтому магазины не хотели отдавать товар по старым государственным низким ценам, сами фарцевали с «черного хода» своим доверенным покупателям или прятали товар во всеобщем ожидании неизбежного его подорожания.

Освобождение цен, как оно ни было ошеломительно, было необходимым условием перехода к рынку, ибо без свободных цен рыночной конкуренции нет – и дефицит никогда не исчезает.

Но неизбежна ли была при этом гиперинфляция?

Нет, инфляции не будет, если перед освобождением цен эти *избыточные* деньги изъять посредством обмена старых купюр на новые, но *не всех*, а только эквивалентных товарной массе; а их избыточную часть положить на сберкнижки и «заморозить» до лучших времен. Подобным образом в 1948 году поступил Л. Эрхард, министр экономики Западной Германии. Разрушенная и разоренная войной, она находилась тогда в несравнимо худшей ситуации. Германию называли «кучей мусора, в которой копошится 40 млн. голодных немцев». Талантливый экономист, он убедил руководство ХДС отказаться от введенных нацистами *государственных планов* для предпринимателей и от *государственных цен*, но предварительно восстановить баланс производства и потребления, для этого ввести новые дойчмарки, изъяв при обмене избыточные. Разумеется, помогли и 1,4 млрд. долл., полученных по плану Маршалла от США, резонно опасавшихся перехода всей бедствующей Германии под власть коммунистов. Товарный дефицит исчез, торговля и производство ожили и стали стремительно расти, началось знаменитое немецкое «экономическое чудо»: всего за 1,5 года уже в 1950 г. Германия восстановила довоенный производственный и жизненный уровень, к 1956 г. его удвоила, к 1960 г. утроила.

Накануне реформ, в 1989 -1990 г. я, как и, должно быть, многие другие авторы, оставшиеся замолчанными, предупреждали об угрозе грядущей гиперинфляции, предлагая меры её предотвращения. Но мои тревожные статьи во все центральные газеты неизменно редакциями отклонялись как «не актуальные, поскольку решение принято». С трудом мне удалось уго-

ворить редакторов нашей местной газеты «Молодой коммунист» опубликовать статью¹, а её вырезки я стал рассылать по всевозможным московским инстанциям и политикам. Без толку. Не помог и телефонный разговор с проф. В.И. Даниловым-Данильяном, рецензентом моего первого издания нецеситной теории экономики 1989 г., тогда министром охраны природы. Он только вздохнул: в гайдаровском правительстве его аналогичное мнение самонадеянная золотая молодежь не хочет и слушать.

Мне кажется, сами эти бравые «экономисты», недавние студенты были просто балованные самообольщенные мальчики, манипулируемые крутившимися в ельцинском окружении чиновными и бесчинными мошенниками, мечтавшими разбогатеть на ограблении народа среди экономических профанов в мутной воде предстоящей гиперинфляции. Так вскоре они и сделали, скупая за бесценок ваучеры у оставленных без зарплаты голодных людей и лакомые предприятия, в первую очередь нефтяные и другие сырьевые, на «залоговых аукционах».

В конечном счете, вот в чьих интересах и вот почему рыночная реформа в России проводилась таким бездарным, коррупционным и ужасным образом.

Но и после освобождения цен, в ходе грянувшей катастрофической гиперинфляции, не было предпринято достаточного **ограничения – сдерживания** денежной массы, чтобы **остановить** этот **рост цен**, чудовищный, уже за первые полгода, в 26 раз, и нескончаемый – восьмилетний. Как это сделало хотя бы в Польше в 1989-90 гг., последнее коммунистическое правительство М. Раковского и первое послеккоммунистическое Л. Бальцеровича.

Тогдашняя высокая инфляция теперь у нас, хотя снижена, но до сих пор **не** остановлена, продолжая **удушение** национального производства.

Да, правда. Антиинфляционному сдерживанию денежной массы всеми силами препятствовала в Верховном Совете и потом в Думе коммунистическая оппозиция, популистски раздувая государственные расходы – по экономической малограмотности и (или) намеренно с прозрачной целью провалить новые власти.

Однако в их засилье в парламенте были повинны сами реформаторы, чьи «просчеты», о которых речь еще впереди, принесли народу тяжелейшие страдания и лишили их исходной массовой поддержки, когда в начале 1990 - 91-х гг., до реформаторского “шока”, – почти 90% городских избирателей были настроены проельцински и против коммунистов.

Прежде всего, огромным трагическим непониманием был отказ (из опасения увеличить спрос и инфляцию) от **индексации оборотных средств** предприятий, что лишило их возможности оплачивать своё мате-

¹ Л. Ибраев. «Неизбежно ли повышение цен?», // Молодой коммунист, 8.08.1990, № 32, с.11.

риально-техническое снабжение и привело к катастрофе – банкротству, а честнее сказать – просто-напросто к остановке более 40% промышленных и сельскохозяйственных производств, многомесячным невыдачам зарплаты и пенсий и к массовой и длительной безработице, какой не знала ни одна страна в мире даже в великий кризис 1929 года.

И рынок здесь ни при чём. Конечно, советское производство технологически было чрезвычайно отсталым и многие из предприятий были обречены. Но его шоковый обвал был обусловлен вовсе не рынком. Просто на другой день после освобождения цен и их астрономического взлета предприятия обнаружили, что на их счетах рубли превратились в копейки и они оставлены без средств на оплату электроэнергии, сырья, материалов, комплектующих и зарплаты и, помаявшись какое-то время на бартере и векселях, вынуждены были остановить производство, но никакого рыночного испытания конкурентоспособности их продукции потребительским спросом не было.

Между тем в Китае большинство старых промышленных предприятий, построенных еще с советской помощью, худо-бедно работает до сих пор в условиях рынка, постепенно модернизируясь. То же происходит и в Белоруссии. Нет, это было именно невероятное экономическое непонимание, пусть и естественное для слишком давно внерыночной страны.

Опасения усилить этой индексацией инфляцию – заблуждение. Да, индексация оборотных средств добавила бы инфляции, но это та инфляция, которая подавляет инфляцию, ибо благодаря ей в стране растет товарная масса – и тем самым цены снижаются².

За эту экономическую темноту – губительнее атомной бомбы – десятки миллионов россиян заплатили страшную цену. Миллионы из них проявили чудеса находчивости и предприимчивости, становясь ремесленниками, торговцами и особенно часто – мелкими импортерами, “челноками”, но другие миллионы не смогли выплыть, бросились в воровство и бандитизм или опустили в бездомных бродяг – “бомжей”, отчаялись, спились и погибли.

Бюрократическая приватизация

Не менее чудовищное лихо совершено в *приватизации*.

Из опасений коммунистической реставрации она проводилась в спешке и непродуманно. Испугавшись сопротивления парт. номенклатуры, реформаторы решили за лучшее от неё откупиться, подарив ей ее давнюю заветную мечту: власть – в обмен на кусок государственной собственности.

² Подробнее в статье *Л. И. Ибраев*. “Инфляция как удушка производства. Денежная эмиссия как удушка инфляции”.

И коммунистическая бюрократия собственность-то, разумеется, взяла, но вот от власти и не подумала отказываться. Не на простаков напали. Наоборот, получилось слияние всех властей и бизнеса. Во всех парламентах, особенно региональных, у нас с тех пор заседают те же чиновники, “исполнительные власти”, которых парламенты призваны ограничивать законами и контролировать, и они же “бизнесмены” или заинтересованные опекуны приближенного бизнеса, часто скрытые монополисты.

Они и сочиняют удобные для себя законы и назначают удобных для себя и тем самым зависимых судей. И по заслугам молотят ОМОНОм головы возмущенно митингующих своих благодетелей – простодушных реформаторов, из тех, кто не “вписался” в новую систему. И преследуют-запугивают журналистов затевающих всякие там “расследования”. Впрочем, в таких условиях и среди журналистов нашлось достаточно понятливых – за сходную цену.

Такое вот у нас *получилось* российское самобытное “демократическое **разделение властей**”, законодательной, исполнительной и судебной. Ну, и “четвертой власти” – СМИ.

Наши самые конкурентные и выгодные экспортные, главным образом сырьевые отрасли нельзя было дарить, кому попало – чиновникам и мошенникам, фактически “назначенцам” в миллиардеры, мгновенно превращавшихся в монополистов или, по меньшей мере, в магнатов – “олигархов”.

Именно такая несправедливая **бюрократическая приватизация** и её итог – слияние властей и бизнеса, а то и криминала – разочаровали и отвратили от реформаторов большинство избирателей, и в итоге лишили их доверия и власти.

А их приемники, кто с удивлением, кто с удовлетворением, обнаруживают себя лишенными по-настоящему демократических выборов, – условия по-настоящему представительного и властного парламента, независимого суда, но как неприятный результат – также и защиты личности и собственности одинаковым для всех законом.

Такой дикий обвал в капитализм не мог не привести к провалу также и «декоммунизации» и демократизации страны, начатых ярко и даже пламенно на рубеже 1980–90 годов.

Вставка из письма Игорю Б. Чубайсу (от 09.09.2016): “После натворимых Е.Т. Гайдаром (и вашим братом) лихих реформ, остановки половины промышленности, извержения миллионов безработных и бомжей и учреждения над ними назначенцев-миллиардеров, «олигархов», ничего не создавших, а просто прихвативших самые лакомые куски гос. собственности, – в этих условиях продолжать «декоммунизацию» стало опасно социальным взрывом. Народ ропщет: «Да эти бандиты, «строители капитализма» ничем не лучше обличаемых большевиков!» А другие массы кричат:

«Еще и хуже!» – Улица вот-вот взбунтует. Потому-то языки вдруг прикусили, памятники вождям оставили в покое и пустили вперед ручного вождя Зюганова: пусть водит по улицам ностальгирующие толпы с портретами Ленина – Сталина, выпускает пар”.

И эти провалы и опасности до сих пор оборачиваются лихом для всей политической жизни страны, как внутренней, так и внешней. Очевидно: чтобы *завершить* декоммунизацию, надо прежде демократией обуздать бюрократию и хотя бы ослабить *подходный и моральный конфликт* с «олигархами», убедить и принудить их делиться с гражданами прибылью, например, через распределение среди них бесплатных или дешевых «народных акций» с достаточными дивидендами, вроде практикуемых олигополиями в Штатах. Заодно и аккумулировав этими акциями сбережения населения в **капитал** для модернизации производств.

Население еще сохраняет патернальное доверие к Путину, но давно не питает доверия к закону, суду, парламенту, к полиции — к своему государству. А теперь и предприниматели, и все больше также и сами власти все яснее осознают, что такая африканская ситуация продолжаться дальше не может, ибо без полноценных институтов демократии – политической, правовой и финансовой инфраструктуры – и без очищения от жуликов и коррупционеров — невозможно экономическое процветание страны.

Начало 2000-х годов подарило России баснословные доходы – шанс для **великой модернизации**. Но и он был упущен. Даже накопив значительные валютные резервы, правительство не может инвестировать их в развитие производства. Через кого? Деньги просто «исчезнут». Нет ни надежных банков, ни надежных производственных фирм, и никаких независимых и властных парламентов и судов, — политических и правовых институтов, способных отделять жуликов от честных.

От такой приватизации Россия получила самый дурной вид капитализма, на ленинском языке, – «**государственно-монополистический**», – с засильем на каждом шагу коррумпированной бюрократии и монополий, естественных и противоестественных, тайных – чиновничье-криминальных. Именно они-то ныне и подавляют ее экономическое развитие, обрекая на жалкое прозябание “великой сырьевой державы” – сырьевого придатка своих процветающих соседей.

Притом эта наша привязь к Западу стальными рельсами и трубами привязывает нас также и к его кризисам, почему слабость собственного национального производства делает эту *зависимость* для нас особенно болезненной и, как наконец-то увидели, просто опасной.

Даже сами нелегитимные нувориши – казнокрады и взяточники или назначенцы в миллиардеры, чувствуют себя в стране временщиками, не уверенными в своем положении, ощущают осуждение и враждебность к

себе окружающих, боятся народа, отгораживаясь от него охраной и высокими заборами. Поэтому в своих интересах они противостоят большинству собственной родины, даже когда маскируются патриотической демагогией.

Где они держат свои миллиарды? Спешат всеми правдами и неправдами спрятать в западных банках. Где они отдыхают – «отвязываются»? На заграничных курортах. Где они покупают виллы? Там же. Где учатся их дети? Там же. Где они укрываются при малейшей ссоре с федеральной властью? Там же. Волей-неволей **интересы** этих экспортно-импортных магнатов – **компрадоров** оказываются за границей. Хотя все чаще они получают урок для себя – расчет на за границу оказывается ошибочным. И все чаще с тоской сознают, что нет и не может быть для них в целом мире иного уютного места, кроме родины, – конечно, правильно благоустроенной.

В приватизации необходимо было исключением гиперинфляции и всеми другими средствами затруднить спекулятивную скупку предприятий и ваучеров и создать возможность приобретения в обмен на них малых “народных акций” наших ведущих, прежде всего сырьевых корпораций.

Разумеется, реальное управление в этих корпорациях, как водится, все равно осталось бы в руках немногих наиболее крупных акционеров – мажоритариев, но в деловых решениях несколько голов все же эффективнее одной, если она случайна.

А главное – рассредоточение акций и значительной части дивидендов от них среди миллионов россиян, наподобие того, как это имеет место в “народном капитализме” США, где около половины населения владеет акциями, предотвратило бы наш нынешний *опасный* социальный раскол в уровне доходов, но дало бы этим корпорациям массовую моральную и политическую поддержку и сохранило бы реформаторам власть.

Сверх того, рассредоточение доходов среди народа имеет колоссальные *экономические последствия*: этот распыленный капитал не вывозится за границу и тратится **не** на *роскошь*, как свойственно нелегитимным миллиардерам, а тратится внутри страны на квартиры, недорогие автомобили, компьютеры, холодильники и т. п. товары массового быта и тем самым создает в стране **массовый спрос** – рынок сбыта для промышленности и жилищного строительства. И сверх того, оно послужило бы тем **первоначальным капиталом**, которого так не хватает в современной России для начинающих предпринимателей.

Хотелось бы надеяться, что тяжелые последствия несправедливой приватизации еще не поздно поправить, пусть не вполне, то в *достаточно* значительной мере. Но в любом случае сделать это необходимо.

Сюда примыкает четвертая роковая ошибка реформаторов: они допустили инфляционное обесценение банковских **вкладов населения** – вме-

сто их индексации, хотя бы и с замораживанием (мораторием) до лучших времен, или с обменом на те же “народные акции” наиболее перспективных предприятий. Надеюсь, здесь все экономические и политические последствия понятны и без разъяснений.

Инфляционная удушка

Сохранение высокой инфляции (даже до сих пор $\geq 7\%$), а поэтому **дороговизна** долгого банковского **кредита**, неподъемного для долголагового производства, уже 20 лет ведет к удушению нашей национальной промышленности, ипотечного и индивидуального жилищного строительства и сельского хозяйства. А в первую очередь такая инфляция подавляет развитие самих наших инвестиционных *банков*, честных или стремящихся быть честными, утверждение каких является необходимым условием производственного процветания страны.

Только дожатие инфляции хотя бы до 1-2% годовых способно снизить у нас процентную ставку по кредитам хотя бы до 3-4%, — уже приемлемых для производства и ипотечного жилищного строительства, которое в свою очередь создает потребность в стройматериалах, сантехнике, мебели и т. д., а тем самым вызывает подъем всего хозяйства России — условие разрешения её демографической трагедии.

Как видим, если бы не указанные вины младореформаторов, страна не встала бы теперь перед такой острой необходимостью модернизации ³, какую не утолить поверхностными обещаниями и слабо обоснованными программами.

Понятно, что такая преуспевающая Россия станет привлекательной также для стран ближнего зарубежья и их народов. Да и для всего мира. И тогда не надо будет забавлять заморских инвесторов уговорами вкладываться в экономику, из которой бегут её собственные капиталы.

Две важнейшие политические ошибки

Первая – **надо** было спешить с очищением власти от консервативной застойной партноменклатуры.

В 1992 году сразу же после разгрома ГКЧП и роспуска КПСС необходимо было не предаваться победной эйфории, а без промедлений использовать великие народные надежды – проводить **перевыборы** парламентов всех уровней, также как и дирекции предприятий.

В России, где в советское время чуть не любой специалист, если он

³ **Как** это теперь делать? – Мое мнение – см. “Поднять Россию”. // “Независимая газета”, 05.10.10. + www.Credit+demokr=RaszvetR

“беспартийный”, просто не допускался к работе по специальности, *люстрация* кадров лишила бы профессионалов как государство, так и экономику. Однако перевыборы очистили бы ситом народного доверия ряды бюрократии от наиболее консервативных аппаратчиков. А надеяться на успешное проведение демократических и рыночных реформ с доминированием косной части номенклатуры в законодательной, исполнительной и хозяйственной власти, было величайшим легкомыслием. Только перевыборы расчистили бы путь реформам от того ожесточенного сопротивления в Верховном Совете и в других ведомствах, – вплоть до мятежа – и в 1993 году их не пришлось бы подавлять силой.

Внешняя политика

Другая ошибка – **не** надо было спешить с юридическим оформлением внешней политики.

В 1991 году остановить распад Советского Союза было, очевидно, уже невозможно. Августовский путч ГКЧП 1991 года имел целью как раз сохранение Союза, но привел к его окончательному развалу. Беловежское соглашение и создание СНГ предотвратило опасность неуправляемой катастрофической формы жесткого передела Союза.

Но спешить с окончательным *юридическим оформлением*, пусть уже не суверенитета новых государств, но **границ** между ними, да еще без гарантии **прав национальных меньшинств** в них, было неосмотрительно.

Границы надо было утверждать без спешки через год – полтора по результатам волеизъявления *местного населения* на специальных *референдумах*. Только *народное согласие* способно было установить этнически удовлетворительные границы между странами и предотвратило бы кровопролитные конфликты, вроде кавказских, приднестровских, среднеазиатских, украинских, прибалтийских и очень вероятно – еще многих будущих и изменило бы всю ситуацию в странах СНГ и в отношениях между ними.

Аналогично неостановимы были антикоммунистические революции в странах Восточной Европы и объединение Германии. Однако непредусмотрительно было *спешить с выводом* из них российских войск, не добившись предварительно в обмен юридически обязательных гарантий **нераспространения** на восток **НАТО**.

И оснований этого добиться имелось тем больше, что Великобритания и Франция сами отнюдь не горели восторгом от перспективы объединения Германии – в слишком сильного для них конкурента – и даже тайно подговаривали М.С.Горбачева этого не делать.

Конечно, это только основные неправильные действия и бездействия реформаторов. Были и многие другие.

Вот за эти-то долги ельцинского периода ныне и расплачиваются правые – и, увы, страна.

Былое и сущее

Предвижу возражение: допустим, всё это так, но какой смысл теперь ворошить прошлое? Если так случилось – значит иначе было *невозможно*. По немудрой сказке: «История не знает сослагательного наклонения».

Такая фаталистическая философия парализует волю и активность и губительна. Фатализм фатален.

На самом деле, «сослагательного наклонения» нет только для уже прошедшей истории, поскольку она уже прошлое, а его не вернуть. Но актуальная *история* – в то время, когда она *происходит*, вся состоит из разных возможностей.

Хотя, разумеется, в ней всегда есть также и то или иное невозможное – по нашей зависимости от наличного соотношения сил, природных, технических, производственных и стратовых. Да и *последствия* прошлого существуют в настоящем и потому тоже бывают доступны нашим действиям.

Тогда, в том прошлом, были возможны *разные* варианты событий, но **теперь** в том прошлом ничего не изменить. Зато теперь возможны разные варианты настоящего.

Выбор в премьеры Е.Т. Гайдара был не случаен не только по благоволению к нему властей США и МВФ, где банкирам, естественно, очень нравилось обожание молодым советским либералом модного тогда монетариста М. Фридмена, восславлявшего решающую роль для рынка денег.

Но прежде всего по причинам внутренним. С ним шла **не** та молодежь, которая, грызя гранит науки, подрабатывала на учебу на разгрузке вагонов и в стройотрядах. Е.Т. Гайдар был вхож в цековские столовые, санатории, редакции “Коммуниста” и “Правды” и числил себя в “команде Горбачева”, а после августовского краха КПСС перешел в “команду Ельцина”.

Выбор именно этой молодежи был обусловлен её **близостью** к той части верхушки **партократии**, которая знала об отсталости советской экономики и сознавала необходимость её рыночных реформ, но, не разбираясь сама в рыночном механизме, зачарованно слушала все преувеличенные сказки о нем. Здесь причины **бюрократического проведения** наших реформ со всеми его бедствиями.

“Тогда никто не знал, что и как делать”, – говорят нам.

Да, тоталитарная милитаризованная Россия не могла обеспечить кормами свое животноводство и накормить население без ежегодного импорта около 40 млн. тонн зерна. И когда в 1986 году цены на нефть упали в три раза, это подорвало продовольственное обеспечение страны. Магазины

ные полки были пусты, но они годами были уныло пусты и раньше, а пайки, карточки и очереди нескончаемы, – и в 1991 г. угроза голода с массовой гибелью людей – преувеличение, авральная спешка была не нужна.

Но неправда, что Е.Т.Гайдару не было альтернативы. Г.Явлинский, Г.Попов, Н.Шмелев, Л.Пияшева, Б.Федоров, Н.Петраков и другие экономисты и многие политики предлагали иные пути – те, что были ближе к народу и его интересам, и предпочтение любого из них стало бы “точкой бифуркации”. Но они не имели достаточной известности и поддержки в обществе, потому что как ни огромны были тогдашние митинги, – беспрецедентные для нас сотни тысяч, – но большинство народа мало что понимало в происходящем и привычно ждало благодетельного обновления сверху от государства.

Говорят: не ошибается только тот, кто ничего не делает. Это неверно. Когда какое-то действие *необходимо*, тогда недействие – самая гибельная ошибка – упущение своих шансов.

И сегодня, в модернизации механизма демократии и рынка, у нас сохраняется опасный шанс повторить судьбу псевдо благостной эпохи Брежнева, когда консервативное руководство компартии так и не отважилось на перезревшие реформы, хотя еще были ресурсы и время проводить их без спешки и продуманно, хотя бы как в Китае. Но не хватало понимания их грозной необходимости, а потому и желания. Ресурсы и время были упущены – а авральные реформы обернулись катастрофой.

Разве без анализа и оценки совершенного и несовершенного возможно выработать и сформулировать программу своих сегодняшних сверхзадач и путей их решения? Увы, жизнь сложна – и все люди, даже самые умные, совершают ошибки и упущения, но лишь самовлюбленные их не признают.

Без глубокого понимания реального положения в стране и её стратегических проблем – в народе и в первую очередь среди его думающей интеллигенции не будет интеллектуальной и нравственной консолидации в сознании, что так жить нельзя, и что за нас эту иную новую жизнь никто не сделает.

*

*

*